

ТЕМА УТЕШЕНИЯ В РУССКОМ КЛАССИЦИЗМЕ XVIII В.¹

В.В. ДОНЕЦ,
Н.Ю. ФЕДУНИНА*

Горе, беда, несчастье, сложная жизненная ситуация порой выбивают почву из-под ног, переворачивают представление о мире и о себе, сталкивают человека с его немощностью, немотой перед лицом трагедии, растерянностью перед испытанием, потерей непрерывности жизни («жизнь никогда не будет прежней»), опытом «неузнавания» реальности. Что помогает человеку пережить горе, выстоять в беде, что утешает? Первое, что, чаще всего, приходит в голову, — признание и понимание другими состояния, в котором человек оказался: сопереживание — путь через душевное движение к его страданию. Но есть и другая направляющая — движение вверх, «вытягивающее» человека, побуждающее его не выходить из себя, не терять себя, стоять в полный душевный рост. Эта вторая направляющая и реализуется в философии и эстетике классицизма.

Классицизм, зародившийся в XVII веке, был ориентирован на Античность, но одновременно за ним стояли и идеи Просвещения. Жанр исторической картины, наиболее полно и назидательно раскрывающий перед зрителем величавые примеры из античного и отечественного прошлого, почитался в Академии художеств как самый «высокий», всецело отвечающий задаче воспитания умов и сердец. В классицизме не изображалось то, что не может служить образцом, примером для подражания, — не писали «неизящную», грубую натуру, не показывали дурные поступки и отрицательных персонажей, не впускали на полотна ничего случайного и временного. Герои классицизма напоминают, ско-

¹ Данная публикация принадлежит к циклу работ, выполненных в рамках проекта РГНФ «Понимающая психотерапия как психотехническая система». Номер проекта: 07-06-00477а.

* *Федунина Наталья Юрьевна* — психолог Социального центра «Развитие».
Донец Вера Всеволодовна — старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи.

рее, статуи в своей идеальной пластической завершенности; жесты неслучайны, а поступки достойны того, чтобы остаться в вечности. Сам дух классицизма требует отражения сюжетов, основанных на проявлении стойкости, доблести, самоотверженности.

В отличие от философии стоицизма, где существовал особый жанр консольаций, в классицизме утешение не стало ни отдельным жанром, ни даже самостоятельной темой. В жизни героической, представленной в идеальном, вечном облике нет места внутренней смуте души. Классицизм организует переживание человека особым образом, побуждая поступать и думать правильно. Утешение в классицизме не тешит и не отвлекает, не жалеет, не предлагает выплакаться, но собирает на крепкую нить стойкости, мужества, долга, высших образцов человеческого поведения. Оно направлено на восстановление мира, космоса в душе человека и в его отношениях с согражданами. Классицизм создает образ, в котором космос уже победил хаос, в котором нет изъяна, где индивидуальное претворено в родовое, где поступок, жизнь человека – не его личное дело: они вписаны в вечность. Живопись, как и вся культура классицизма, создавая форму (в аристотелевском понимании этого слова), в которой складывается переживание, ориентирована на трансляцию этих образцов, – как надо жить, чувствовать, думать...

Одна из знаменитых картин М.И.Пучинова «Смерть Камиллы, сестры Горация» (1787, ГТГ) – столкновение сердечного чувства и патриотического порыва. Сюжет основан на трагедии П.Корнелия «Гораций». Один из братьев Горациев, доблестный римлянин, возвращается домой после победы над враждебным родом из Альба Лонга. Сестра Горация, Камилла, горячо оплакивает гибель своего возлюбленного из побежденного семейства. Гораций, возмущенный тем, что римлянка проливает слезы над врагом Отчизны, убивает Камиллу. Нет прощения тому, кто ставит интересы своего сердца выше интересов Отечества. Даже охваченная горем душа может (и должна) утешиться торжеством патриотической идеи, и решительный жест Горация на картине словно отбрасывает прочь человеческие слабости, слезы, страхи, родственные чувства с того единственного пути, что ведет к процветанию и благоденствию Родины. Утешение скорбящему, переживающему личную потерю, – «сдержи слезы, ведь счастье сограждан твоих неизмеримо выше твоего горя».

С той же горячностью, декларативной прямоотой говорит о долге перед Отечеством и отвергаемом ради него семейном, частном благополучии картина «Прощание Гектора с Андромахой» (1773) А.П.Лосенко. Художник обращается к сюжету из гомеровской Илиады (песнь б).

Троянский царевич Гектор отправляется на битву с греками. У городских ворот, ведущих на ратное поле, он встречает свою жену Андромаху с маленьким сыном на руках. Супруги предвидят горестную участь друг друга: гибель Гектора и пленение Андромахи. Делая решительный шаг вперед, навстречу грядущему, горячо осознавая свой патриотический долг перед родным городом, герой готов умереть и поручает своих близких богам, находя единственное утешение в том, что оставляет свою семью навеки ради всеобщего блага, ради выполнения своего долга. Эстетика классицизма не принимает открытого проявления чувств — любое эмоциональное излишество считается «неизящным», уродующим благородный облик человека, поэтому здесь нет ни рыданий, ни воплей, ни порывистых движений.

Гектор знает, что ни храбрый, ни трус одинаково не избегнут своей судьбы. Его поза означает и решимость идти на роковую битву во имя патриотического долга, и своего рода утешение. Он как будто бы говорит: «Я уйду, любя вас, вы не будете одиноки, боги помогут вам, ибо определяют судьбу каждого». Решителен шаг Гектора. Классический герой избавлен от одиночества, от мук сомнений и нерешительности. Утешение в классицизме в непреложности, правильности событий, в принятии судьбы — все так, как надо, как и должно быть.

Искусство классицизма призвано возвышать, воспитывать и очищать души: самую глубокую скорбь, самое трагическое событие можно и нужно переживать и истолковывать как ниспосланное свыше испытание, способное проявить лучшие, благороднейшие качества человеческой души.

В XVIII веке бурно развивается скульптура. Все чаще возникают образы героического страдания и вместе с тем — стоицизма. Отсюда и популярные герои — Прометей, Марсий, Геркулес. Значительным явлением во второй половине XVIII века стала мемориальная надгробная скульптура (Ф.Гордеев, М.Козловский, И.Мартос). Для скульпторов этого времени тема надгробия была возможностью размышления о бренности всего земного и недолговечности человеческого бытия, но вместе с тем — о бессмертии и величии души. Поэтому надгробия овеяны возвышенным поэтическим чувством и, несмотря на скорбные образы, проникнуты духом примирения с концом земной жизни. Смерть воспринимается как неизбежность, но конец земного бытия исполнен светлой тишины и покоя. Даже использование мрамора для мемориальных плит и стелл создает созвучное настроение: нежный светлый камень дышит чистотой и будто туманной дымкой окружает рельефные изображения.

Тема скорби в памятниках классицизма решает традиционную задачу сочетания удрученного горем человеческого духа и совершенной прекрасной формы. Рыдание не искажает идеально правильных лиц, позы и жесты сохраняют пластическую отточенность, тонкая моделировка складок, драпировок, облегающих фигуры, напоминает плавный замедленный ритм печальной мелодии. Сама композиция надгробия, сочетающая архитектурный (пирамидальный обелиск) и скульптурный образ, воплощает идею созвучности, гармонии, всеобщего примирения перед лицом неизбежности, идею торжества бессмертного духа.

Эстетика классицизма пропитана идеями Просвещения. Организация переживания человека отвечает здесь на вполне кантовские вопросы: «Что я должен делать?», «На что смею надеяться?». Однако, если Кант был достаточно пессимистичен в возможности следования категорическому императиву, то в русском классицизме такая возможность не ставится под вопрос: герои, уважая в себе и в другом человеке все человечество в целом, поступают так, чтобы максима их поведения могла стать основой всеобщего закона. Приоритеты расставлены. Эстетика классицизма моральна. Не личное счастье является основным принципом жизни. Герой следует этике долга, а не этике блага. Искусство классицизма ставит человека перед высоким образцом поведения, побуждая его выбирать, переживать, проживать свою жизнь не вопреки обстоятельствам, а благодаря следованию главным принципам Человеческой жизни, независимо от того, приносит это радость или горе.